

Михаил ДЕРЖАВИН: Хмурый человек опасен для общества

Беседовала
Евгения Ульченко

С экрана и со сцены от него идет такая положительная энергия, что невольно заряжаешься на позитив. Среди театральных работ народного артиста России спектакли «Обыкновенное чудо», «Маленькие комедии большого дома», «Прощай, конферансье», «Горе от ума», «Вишневый сад», «Таланты и поклонники», «Швейк, или Гимн идиотизму». Зрители постарше помнят его как пана Ведущего из «Кабачка 13 стульев». Тем, кто моложе, он знаком по фильмам Эйрамджана — «Бабник», «Импотент», «Жених из Майами». А комедию «Трое в лодке, не считая собаки» и эстрадный дуэт Державин — Ширвиндт любят все без исключения.

— Михаил Михайлович, в вашем дуэте лидер Ширвиндт. А как в жизни? Вы ведь дружите много лет.

— В жизни я, например, горжусь тем, что научил его ловить рыбу. Правда, он не хочет в этом признаваться.

Кстати, Шура любит сидячую рыбалку. У него кресло, которое подарил Эрих Хонеккер. Такое алюминиевое, разборное, с надувными подушками. Александр Анатольевич садится в него и тут же засыпает. Я только слышу, как падает в воду его трубка. В конце концов я придумал ему такую штучку, как у детей для соски, чтоб не падала. Но вышло хуже — он прожег себе маечку до дырки, живот и еще пониже.

Мы знаем друг друга больше полувека. После школы оба поступили в Шуйкинское училище. Правда, Шура сделал это раньше. Зато я с его женой первый познакомился. Когда в 1951 году умер мой папа, Наталья Николаевна — в то время просто Наташенька Белоусова — жила на даче в Истре. Шура приезжал в этот поселок и я со своими сестрами тоже. Там еще располагался лагерь Большого театра, и Шура вечно играл в волейбол с балеринами. А мне очень нравилась Наташа Белоусова. Она моя ровесница, на два года младше Шуры. Он тогда снисходительно к нам относился. Такая вот история.

— У Ширвиндта недавно вышла книжка воспоминаний. И был опубликован отрывок из нее, где рассказывается о том, как вы по ошибке наглотались противозачаточных таблеток. Это правда?

— Действительно хватанул. Я потом повторил эту штуку на гастролях в Америке. Тогда только что появилась «Виагра», и друзья-эмигранты преподнесли нам по упаковке — такие голубые таблетки для повышения мужской потенции. Я, конечно, не удержался — люблю разыгрывать. Не буду называть фамилию артиста, у которого разболелась голова: «Минь, у тебя нет таблеток?» — «Есть, конечно». Дал ему таблетку. Утром спрашиваю: «Ну как?» — «Первый раз за гастроли по-настоящему высрался». Сейчас у нас идет борьба с фальшивыми лекарствами. Может, Америка нас и в этом отношении опередила.

— Вы, Ширвиндт, Игорь Дмитриев в шестидесятые годы были красивыми, успеш-

ными, даже с некоторым буржуазным шармом. Словом, золотая молодежь. Как вам удавалось вписываться в театральный социум?

— В 59-м я пришел в театр Ленинского комсомола и сразу стал играть стилист. Но, естественно, исправляющихся. В спектакле «Опасный возраст» я сыграл молодого стилиста по имени Бубус. Музыка была Андрюши Ешпая. Я там пел знаменитые песни: «Два туза, между крадечка вразрез...» Это что-то... У меня были ботинки на микропоровой подошве, тогда это было модно. Уходить из театра приходилось иногда только забор перелезая. Потому что девочки-поклонницы одолевали. Мне было 24, и это был мой первый успех. Красавец Александр Анатольевич Ширвиндт тоже играл всяких стилист и меньшевиков. А потом в Ленком пришел Эфрос и все поменялось. Шурик стал почти что Марчелло Матростяни. Но, видимо, за это Эфроса и попросили из Ленкома. Вместе с ним в театр на Малой Бронной перешли Гафт, Леня Каневский, Ольга Яковлева, Шура и я.

— Актеры, которых вы называли, были очень чувственными. В те годы ведь это надо было прятать?

— В театре на Бронной это уже позволялось. В отличие от Ленкома, где мы должны были показывать только чувства благодарности родине и комсомолу. А с 67-го года я в театре Сатиры. И горя не знаю.

— Вы были ведущим в телевизионном кабачке «13 стульев», который для многих в стране стал окном в западную жизнь. Как вы сами определяете свой менталитет?

— Я совершенно дикий россиянин. Появился на свет на Арбате, в знаменитом родильном доме имени Грауэрмана. Как, кстати, и мои друзья: Марк Захаров, Александр Ширвиндт, Андрей Миронов. Арбат для меня был микромиром. В театре Вахтангова служил народный артист Михаил Степанович Державин — мой папочка. Его знаменитые коллеги жили в одном с нами доме. Я живу там до сих пор.

Рядом была Собачья площадка. Это была не площадка, где писали собачки, а площадь, где стояли знаменитые здания, на которых висели памятные доски.

— К огромному счастью, нет. Я раньше думал, что это странно, а теперь знаю, что есть много семей, которых это не коснулось тоже. Мне в жизни во многом повезло. Мы в классе были очень дружны. Я учился в мужской школе, три основные национальности — прусские, евреи и татары. Все московские дворяне были татары. Сейчас мы видим выходцев из Средней Азии в прекрасных светящихся костюмчиках, а тогда в моем дворе были дядя Харитон... Многие из моих одноклассников и соседей уехали, некоторые — в Израиль. Замечательные ребята. Я никогда не слышал в детстве — «жидовская морда». Вот даю вам слово. Это не пижонство какое-то. Мы были так воспитаны. И, видите, я везде преуспел: первая жена еврейка по национальности, вторая — из казаков, третья — армянка.

— Первой стала дочка Аркадия Райкина?

— В Катеньку я влюбился еще в училище. А с ее папой познакомился гораздо раньше. Он приезжал в наш дом, потому что в квартире напротив меня жил отоларинголог, который лечил всех артистов... Вдруг во дворе развивается «Победа» ЛИ 0025 — я запомнил номер. Оттуда выходит Аркадий Исаа-

кович Райкин — худенький, элегантный. И говорит мне с до боли знакомой интонацией: «Вы не подкажете, на каком этаже живет Канторович?» Аркадий Исаакович стал первым моим тестем. Костя Райкин был тогда мальчишкой с громадными глазами. До сих пор я очень люблю эту семью и иногда разговариваю с Катенькой по телефону.

— А почему ваш брак так быстро распался?

— Своего дома у нас не было, правда, мы снимали квартиру. Но уже в конце учебы Катеньку взяли в театр Вахтангова, а меня в Ленком, где молодым актерам давали отсрочку от армии. Мы бесконечно разъезжались в разные стороны и в конце концов растались. Это сейчас у нас гастроли несколько дней, а тогда по 2–3 месяца. Не то что мы разлюбили, а «разъехались».

Брак. В театре Вахтангова на Катеньку сразу обратил внимание Юрий Васильевич Яковлев. Мы и с Катенькой прекрасно дружили, и с Юрочкой. Алена Яковлева — актриса нашего театра. Выступая недавно на юбилее Юры, я сказал: «Разрешите вам представить Алену Яковлеву. Это первая дочка второго мужа моей первой жены».

— После развода с женой вы с Аркадием Исааковичем общались?

— Он до конца жизни относился ко мне очень тепло. Это был замечательный и потрясающе деликатный человек. Иногда на студенческие спектакли он давал мне свои костюмы. На следующий день интросовался, как все прошло. «Вы знаете, были такие аплодисменты, Аркадий Исаакович».

— «Даже если бы ты просто вышел в этом костюме и помолчал, аплодисменты были бы не хуже». Он это говорил с таким мягким юмором, что обидно не было.

— Во второй раз вы женились на дочке Буденного?

— Не то что я специалист по дочкам, а так сложилось. С Ниной Семеновной Буден-

ной — очаровательной Ниночкой — меня познакомил дочка сына Хрущева Юля, с которой мы до сих пор дружим и пере-званиваемся.

— Дочка сына — это ведь внука?

— На самом деле Юля и есть внучка Никиты Сергеевича, просто он ее удочерил. Отец Юли — сын Хрущева Леонид. Юля и Ниночка учились вместе на факультете журналистики и часто приходили в Ленком. Жениться на Ниине, я попал в какую-то невероятную жизнь, в дом, где жили герои моего детства. Выхожу во двор, а из соседнего подъезда появляется Климент Ефремович Ворошилов, которого играл мой папа в кинофильме «Сталинградская битва» и которому я мальчишкой писал письмо. Из другого подъезда выходит Рокоссовский, красавец, и спрашивает: «Как дела, сынок?» Наверу живет Родион Яковлевич Малиновский. И наконец, мой тесть — Семен Михайлович Буденный.

— Он был не таким, как его представляют в анекдотах?

— Абсолютно. Он прекрасно разбирался в искусстве. Помню, Эфрос как-то так тихо хонько поинтересовался: «Ты узнал у тестя, он «Войну и мир» читал?» Мне, конечно, обидно стало за Семена Михайловича, но при случае спросил. «Сынок», — ответил он, — первый раз еще при жизни автора». А Лев Николаевич умер в 1910 году. И потом я понял, что «вышли мы все из народа» — это советская мифология. Посмотрите, ведь Луначарский, Свердлов — все образованнейшие люди. Хотя кто-то, конечно, и вышел...

— Брак с Ниной Семеновной тоже «разъехался»?

— Как-то все само собой. Не то что я какой-то бабник. У нас очаровательная дочь в 1963 году родилась, Маша. Два прекрасных внука. Один, кстати, учится на первом курсе факультета журналистики в МГУ. А второй парень в четвертом классе. Я его спрашиваю: ты будешь артистом? Он

говорит: к чертовой матери, но через минуту выходит переодетый во что-нибудь и со шлагой. Машка окончила ГИТИС. Но потом вот родила и не работает.

— А случались у вас какие-то увлечения? Когда играешь любовь на сцене, бывает, что влюбляешься по-настоящему?

— У меня так было с Танечкой Васильевой. Многие мужчины согласны, что она необыкновенно хороша. Но Татьяна еще и актриса высшего класса, я до сих пор рад объясниться ей в любви со сцены.

— Ваша нынешняя жена — певица Роксана Бабаян — вас не ревнует?

— Любовь — дело серьезное, а ни одно серьезное дело не обходится без юмора. Как завещал нам Гриша Горин: «Улыбайтесь, господа!» Если кто-то любит без улыбки, без шуток, то в этом есть что-то подозрительное, это либо маньяк, либо дурак. У Роксаночки с юмором все в порядке. Мы вместе уже 25 лет. Познакомились случайно в самолете. А раз в небе, то, значит, и зарегистрировались на небесах. Чему я никогда не изменю, так это «масти» — цвету. И Катенька, и Ниночка, и Роксаночка — черные. Машка получилась беленькая. Абсолютная блондинка.

— А кроме «масти», что привлекает вас в Роксане?

— Она большая умница. У нее три высших образования:

диплом Ташкентского института инженеров железнодорожного транспорта, факультета управления ГИТИСа — знаете, Роксаночка может даже театром руководить, — а несколько лет назад она окончила Московский педагогический университет. Как Роксана поэт, наверное, знают все. Кроме того, она замечательно готовит. Многие журналы печатают ее кулинарные рецепты. Как бы ни был измотан, прихожу домой, пою чайку — и как будто живой водички напился. Можно опять на лошадуку и шашлык махать... У нас с Роксаночкой какое-то кошачье взаимопонимание: с полувзгляда, с полуслова, с полудыбки.

— 25 лет вместе — это серьезно.

— Ну так я стал старше и мудрее. А командировки и гастроли — значительно короче. Даже в Америку теперь летаем всего на несколько суток. День на Нью-Йорк, день на Чикаго — и далее по списку.

— С вашей дочкой Роксана общаетесь?

— И с дочкой, и с внуками, и со всеми моими близкими. У нее со всеми хорошие отношения. И мама моя, Иранда Ивановна, Роксаночку очень любила.

— Не страшно было жениться в третий раз?

— А как же? Но тут я все-таки был уже осторожнее. Шура устроил смотрины. На его большом балконе в высотном здании на Котельниче-

постели. Нас намертво связали общей пуговкой, поэтому заявляю совершенно официально: семья, дети и внуки у каждого персональные. У Миши теперь даже машина своя.

А ведь он долго не решался сесть за руль, предпочитая использовать супругу в качестве водителя. Миша покровительственно обнимал ее за плечи, делая вид, будто учит... Я с трудом заставил его купить первые «Жигули»... Словом, работаем вместе, живем порознь. Лимит на общение давно выбран, сил нет спокойно видеть лица друг друга...

— Параллельно с личной жизнью шла жизнь в театре. Что в это время там происходило?

— Вы знаете, вспоминаешь истории, которые связаны с нашим обществом. Вдруг меня вызывает Плутчек: «Вам надо вступить в партию». Я застыл: «А почему вы Папанова не рекомендуете?» — «Анатолий Дмитриевич сказал, что может напиться и потерять партийный билет». — «Хорошо, ну а Шура с Андрюшей?» Плутчек опустил глаза: «Вы ведь, Михаил Михайлович, единственный русский в театре...» Сейчас смешно, а тогда не до шуток было. И Марк Анатольевич имел такую беседу и тоже вступил в партию. И Менделеев, и Ольга Аросева, и Вера Васильева. При этом сам Плутчек, будучи народным артистом СССР, не был членом партии.

— Просто не верится, Михаил Михайлович, что на днях вам исполнилось 70 лет. Как вы сами относитесь к своему юбилею?

— Я пережил столько юбилеев своих коллег, что собственный меня уже не пугает. Мы с Александром Анатольевичем Ширвиндтом были штатные поздравлялы: от Дома актера, театра Ленинского комсомола, своего театра... Видимо, тенденция накопилась. В одной из телепрограмм на неделю случайно прочитал: «15-летие РТР. Участвуют Ширвиндт и Державин». Спрашиваю: «Шура, мы с тобой разве их приветствовали?» — «Вроде нет». Оказалось, просто по привычке напечатили... Так что к своему юбилею я отношусь спокойно и с юмором.

— Вы, судя по всему, человек безнадёжно позитивный?

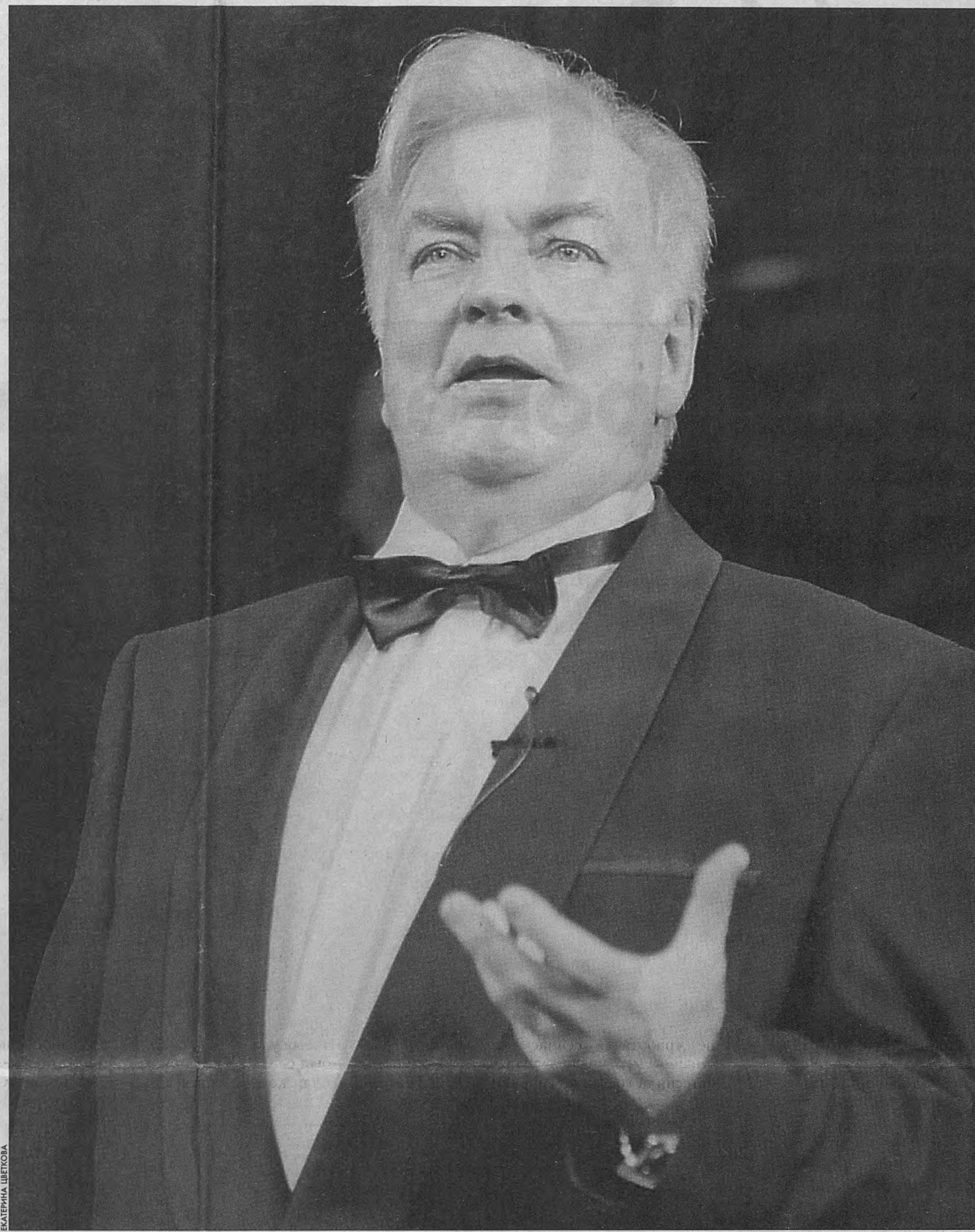
— Знаете, человек с плохим настроением становится опасным для общества. Ведь здесь же страшная цепная реакция: ты испортил настроение одному человеку, тот еще кому-то, и пошло-поехало. А мы потом удивляемся, почему вокруг хмурые, неудачливые люди. Я вам говорю на полном серьезе — одна злочка может испортить настроение всему городу! Поэтому не хочешь буерака — контролируй свое настроение.

— Интересно, такими оптимистами, как вы, рождаются или становятся?

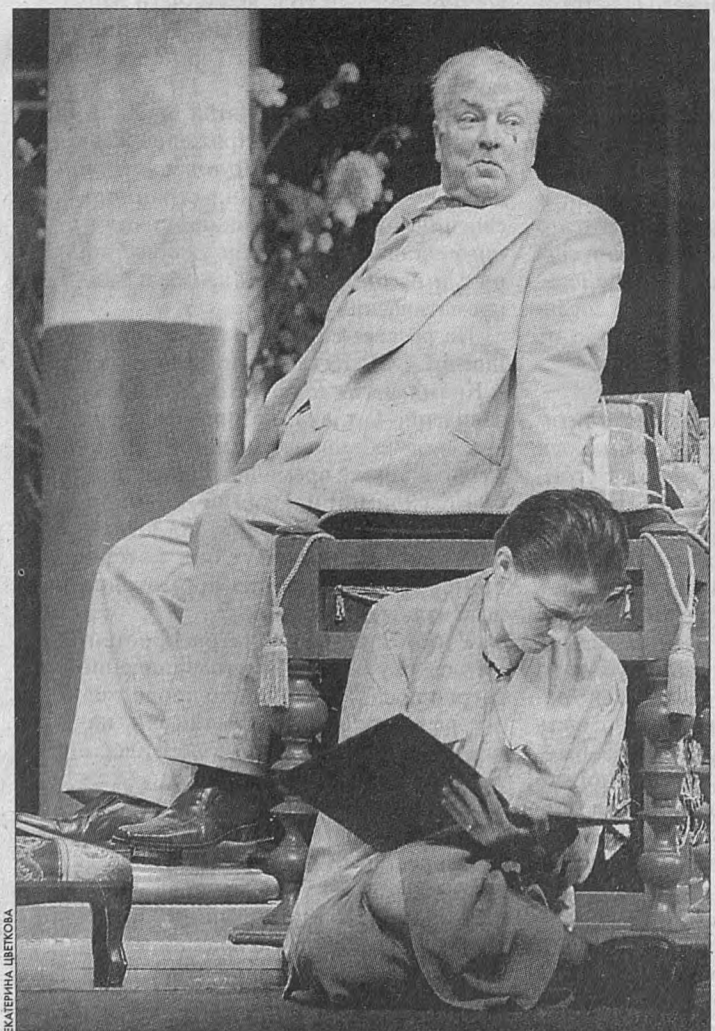
— Я всегда с благодарностью вспоминаю свою маму. Она тоже была актрисой и делала все возможное и невозможное, чтобы мы, дети, не потеряли детского выражения лица, чтобы берегли хорошее настроение, чтобы всегда могли позавтракать чем-нибудь вкусненьким. Так что корни моего сегодняшнего характера, наверное, из детства...

— Есть старинный театральный анекдот: «Ваша любимая роль?» — «Несыгранная». У вас есть такая?

— Трудно сказать. Я не играл Ромео, зато сыграл Тартюфа у французского режиссера Антуана Витеза, который руководил «Комеди Франсез». Я играл у Плутчека Скалозуба в «Горе от ума», а назавтра Бобчинского в «Ревизоре». Я играл Епиходова, а на следующий день — героя в пьесе советского автора. Может, я что-то и не сыграл в своей жизни. Да, множество ролей, но о сыгранных ролях я не жалею.

ЕКАТЕРИНА УЛЬЧЕНКО

Михаил Державин в спектакле «Орнифл»

Слова

Александр Ширвиндт:

— Тут некоторые шутят, что нам с Державиным пора уже свадьбу золотую играть. Мы действительно знакомы больше 50 лет. Как ни крути, но по нашим биографиям можно изучать историю страны. Скажем, для всех нормальных людей Семен Буденный — герой Гражданской войны, а для Михаила Михайловича еще и бывший тесть. Сколько раз мы с Мишей организовывали новогодние утренники на даче у Семена Михайловича!

Благодаря нашему эстрадному дуэту зрители думают, будто мы с Державиным и спим в одной

постели. Нас намертво связали общей пуговкой, поэтому заявляю совершенно официально: семья, дети и внуки у каждого персональные. У Миши теперь даже машина своя.

А ведь он долго не решался сесть за руль, предпочитая использовать супругу в качестве водителя. Миша покровительственно обнимал ее за плечи, делая вид, будто учит... Я с трудом заставил его купить первые «Жигули»... Словом, работаем вместе, живем порознь. Лимит на общение давно выбран, сил нет спокойно видеть лица друг друга...